

НЕБО НАМЗУСТЬ

Здесь было неуютно, слишком близко к поверхности. Кожу жгло от радиации, во рту пересохло, а старенький респиратор, казалось, хрипел от ужаса.

Мы жались друг к другу, но никто не хотел первым сказать: «Ну все, возвращаемся».

И тут человек зашевелился. Кнопка взвизгнула и спряталась за Дылду. У Рыжего даже веснушки побледнели. Он отшатнулся и просипел:

– Чужак! Вот я ему сейчас.

Схватил камень, занес для броска.

Дылда перехватил тощую руку, крикнул:

– Ты на комбез-то глянь, пентюх! Звезд не видишь?

И сделал шаг вперед.

Мы обступили человека. Раненый поднял руку. Я еле удержался, чтобы не рвануть обратно к вентиляционной шахте. Черной, воняющей теплой тухлятиной – но понятной, родной.

Он поднял руку и дернул застежку. Стащил шлем. Короткий ежик волос, серая кожа; пена с кровью пополам засохла у рта.

– Пионэры, – сказал он непонятное слово, – ишь, худющие. Взрослые ваши где? Папки-мамки.

Приподнялся на локте. Охнул и рухнул обратно, на засыпанный битым кирпичом пол тамбура.

Тащить его вниз по шахте – то еще удовольствие. Тяжелый. И бредил странно:

– Двадцатый, сука, не отрывайся! Держи кормовой сектор. Атакую!

Судя по тому, что он здесь, сука-двадцатый все-таки оторвался.

○○○

Док извел на спасенного половину банки драгоценного геля. Недовольно пробурчал:

– Печень вроде не задета, а вот ребер поломанных – что у тебя веснушек, Рыжий. Не выживет. И где вы эту дохлятину нашли?

**ВЕСЕЛО ЖИВЕТЕ.
ХУЖЕ КРОТОВ –
НИ СВЕТА,
НИ СМЫСЛА**

– Наверху, – пискнула Кнопка и получила подзатыльник от Дылды.

– Вот скажу Старосте, пусть выпорет, чтобы не шатались черт-те где. Антибиотики нужны, и много, а где я их возьму? Не жилец.

Док ушел, бурча под нос:

– Пилот, понимаешь. Ну и что? Пилотыдохнут не хуже, чем подземники. Чай, не чужаки. Хомо сапиенсы, как и все.

Дылда сказал:

– Надо на третий ярус. Говорят, там лекарства остались.

Кнопка испугалась:

– Ты что! Там крысы кишат. Сожрут.

Дылда хмыкнул. Взял с собой Рыжего и ушел.

Вернулись они на следующий день. Рыжий – без половины уха, а Дылда едва ковылял, опираясь на обгрызенную острыми зубами палку.

Но таблетки принес.

○○○

– Весело живете. Хуже кротов – ни света, ни смысла.

Дылда обиделся. Перестал набивать грибами-светляками фонарь и буркнул:

– Как можем, так и живем. Тебя вот, здорового такого, вытащили. И выходили, хоть Док и сказал, что ты только на перегной гонден.

– И молодцы, – улыбнулся Пилот, – не обращай внимания на мои реплики. Это я просто охреневаю.

– Охреневает он.

Пилот улыбался. Он вообще оказался улыбочивым. И молодым: даже щетина, превратившаяся в мягкую бородку, не делала его стариком. Лет двадцать пять, наверное.

Пока валялся – жрал за пятерых. Мы все ноги сбили, охотясь за мышами и ворую консервы у бродяг: Док сказал, что выздоравливающему нужен бульон. А когда кончились лекарства, Дылда вновь пошел на третий ярус.

ВЕРНУЛСЯ
С ХАБАРОМ.
НО БЕЗ РЫЖЕГО.
ДОЕЛИ РЫЖЕМУ
УХО ВМЕСТЕ
С БАШКОЙ

Вернулся с хабаром. Но без Рыжего. Доели Рыжему ухо вместе с башкой.

А сейчас Пилот смотрел на нашу грибную ферму и ржал. Был бы я на две головы выше и десять лет старше – я бы ему в морду дал. Или вызвал на разбор. Как положено: ринг круглый, бетон гладкий, ножи острые. «Пусть честная сталь рассудит», ну и так далее.

Тем более что Кнопка на него пялилась. Краснела и начинала дышать по-другому: глубоко. Чтобы, значит, титьки стало видно. Чего там видеть? Такие прыщи давить надо.

– Староста рассказывал про какой-то Зал Памяти. Это где?

– Далеко, часов шесть.

– Сходим?

У Пилота все легко. Захотел – пошли. А там, в коридорах, жуть. Крыс-то немного, но вот бродяги... Они свежатинку любят, надоели им консервы.

– Сходим, – кивнул Дылда.

Я разозлился. Дылда готов ради пришельца на все, Кнопка краснеет и пыхтит. Рыжий не вернулся из-за него.

Я брел последним, придумывая Пилоту разные казни. Вот он падает в цистерну с пауками. Орет, а они его пеленают клейкими струнами. И неспешно поедают вопящий кокон.

Или, скажем, белая лента...

Я увидел. В два прыжка догнал, дернул за рукав.

– Ты чего? – удивился Пилот.

– Тсс! Тихо. Он громких звуков пугается.

Дылда сразу понял. Подошел неслышно, осветил гнилушкой. Я успокоил дыхание. Главное – самому не бояться.

Взял тварь пальцами за колючие бока. Потянул легонько. Лапки отрывались от шеи Пилота по одной, сочась белесыми нитями. Невыносимо медленно.

Вот и все. Поставил аккуратно на пыльный пол. Прошептал:

– Уходи. У нас свой путь, у тебя – свой.

Тварь недовольно сверкнула глазками. Затрещала лапками и юркнула в нору – ждать других. Не таких глазастых и опытных.

Дылда, как и положено, пометил место: нарисовал грибами светящийся круг, перечеркнутый по диагонали. Да только если кто с факелами попрется – не увидит.

Мы всегда ходим без факелов, только со светляками. Тьму надо уважать и слышать: тогда пропустит. Так Староста учил.

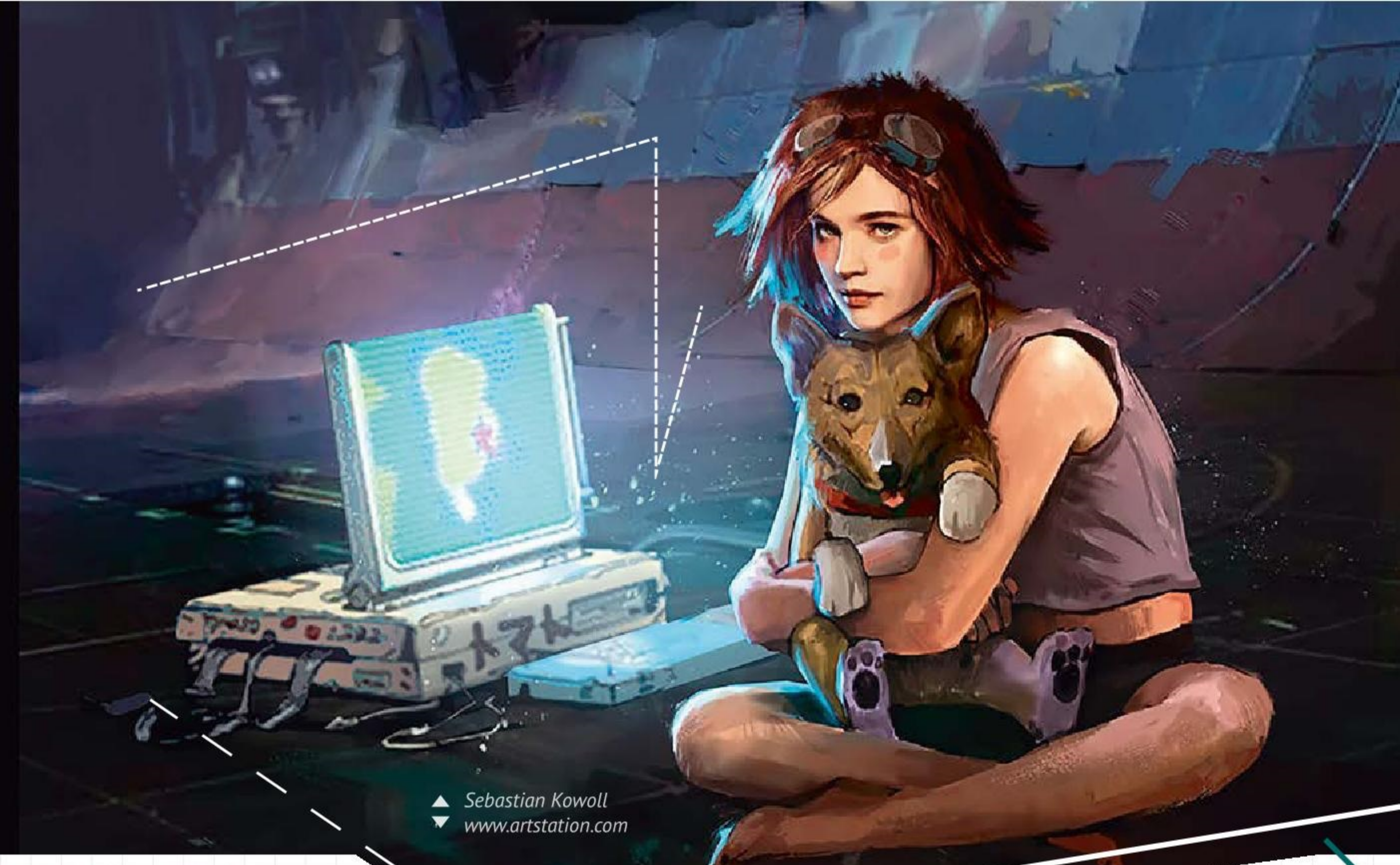
– Пошли, – сказал Дылда.

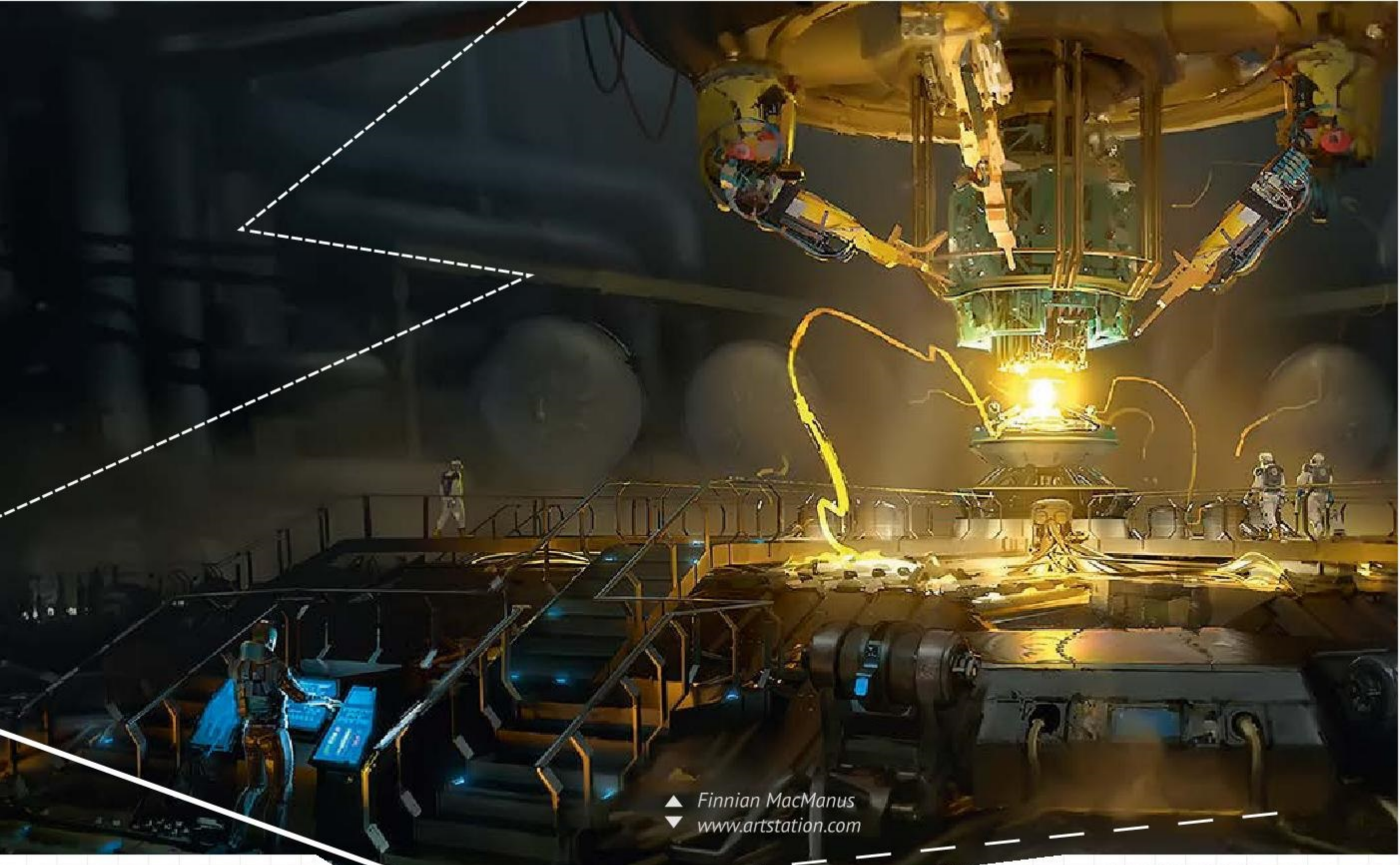
А Пилот остаток дороги молчал. Ежился только, зыркая по сторонам и осторожно трогая шею.

Словом, злиться я на него перестал.

ooo

– Когда они поняли, что все, то задраили двери. Тогда людей намного больше было, коридоры набиты под завязку. Словом, спасли всех. А сами сгорели заживо.

▲ *Finnian MacManus*
▼ www.artstation.com

Я МОЛЧАЛ. РАССКАЗАТЬ ЕМУ ПРО ЖИЗНЬ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ? ПРО ЦЕЛЫЕ ПОКОЛЕНИЯ, ВЫРОСШИЕ БЕЗ НЕБА?

Дылда ради такого случая зажег факел: желтые сполохи пробежали по закопченному антрациту низкого потолка.

Они спасли всех и превратились в толстый жирный слой копоти.

– Как купол. На планетарий похоже, только без звезд, – сказал Пилот.

– Что?

– Планетарий. Ну, модель Вселенной.

Мы молчали.

– Вы хоть небо видели когда-нибудь? Знаете, что такое звезды?

– Ну как же, – пискнула Кнопка, – значки такие, у тебя на комбесе. Как у всех Верхних. Когда-нибудь вы пробьетесь к нам и вытащите отсюда. Так Староста говорил.

Пилот скосил глаза на свои истрепанные погоны. Усмехнулся. Наклонился, нащупал в пыли длинный прут, оплывающий следами страшного пламени.

Поднял к потолку, поковырял. Добрался: сверкнул металл. Прищурился, наметил следующее место. Пробормотал:

– Это, скажем, Полярная звезда. А вот тут Большая Медведица. Алиот, Дубхе, Мицар.

Мы сидели не шелохнувшись. Смотрели, как появляются сияющие в огне факела точки.

– Звезды – это души погибших героев. И у каждой свое место, – негромко говорил Пилот, работая.

Кнопка всхлипнула:

– Значит, у Рыжего тоже есть своя звезда? И у моего папы? Он сгинул, когда чужаки в сектор прорвались.

Пилот не ответил. Продолжал ковырять потолок и бормотать. Слова его звучали, словно волшебные заклинания:

– Орион. Бетельгейзе. Ригель.

Мы молчали.

Боялись спугнуть рождение миров.

– Кассиопея. Шедар. Каф...

– ...Лебедь. Тут Денеб, тут Гамма Лебеда.

ooo

Я закончил. Положил мел, отряхнул руки.

– И у каждой – свое место. На экзамене по астронавигации третьим вопросом вы получите вот эту древнюю доску, кусок мела и номер сектора. И будете рисовать созвездия по памяти.

Рыжий кадет поднял руку. Хмыкнул:

– А зачем? Каменный век, честное слово. Все же есть в бортовом компьютере.

Я молчал. Рассказать ему про жизнь в Подземелье? Про целые поколения, выросшие без неба?

Про то, как Пилот повел нас вверх. Про штурм передатчика, в котором погибли он, и Дылда, и много кто...

Про то, как мы передавали координаты. И ждали десантные боты. Хрипел смертельно раненный Староста, лежа на коленях у плачущей Кнопки. Патроны кончались, а небо было пустым и беззвездным...

Зачем?

Я улыбнулся и сказал:

– Это Небо, сынок. Его надо знать наизусть. ■